

ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ УЧЕНОГО

*(размышления над книгой профессора В. Б. Убушаева и доцента
К. В. Убушаева «Калмыки: выселение, возвращение, возрождение.
1943-1959 гг.». Элиста, 2007. – 494 с.)*

Ю. Оглаев¹

CIVIL FEAT OF THE SCIENTIST

*(Reflexions over the book of professor V.B.Ubushaev and the senior
lecturer K. V.Ubushaev «Kalmyks: eviction, returning, revival.
1943-1959». Elista, 2007. - 494 p.)*

Yu. Oglaev

Иной «циник исторических наук», знающий свои «кадры» не понаслышке наверняка скептически скривит губы: «Какие, мол, могут быть в наше рыночное время подвиги в науке, особенно в исторической: что закажут – то и напишут!..». И ведь будет он, этот «критик», в немалой степени прав. Но мы-то имеем намерение говорить не о прохиндеях в исторической науке, а о самой исторической науке, а точнее – об одной из самых трагических глав истории калмыцкого народа, взятой нашими коллегами в качестве предмета специального исследования. И уже само это намерение можно только приветствовать...

Такой обобщающей исследовательской работы по этой проблеме научная общественность Республики Калмыкия ждала давно, едва ли не с 1991 года, когда появилась на полках книжных магазинов небольшая книжечка профессора Н. Ф. Бугая «Операция «Улусы» (Элиста, 1991. 88 стр.), а вслед за нею, с разрывом менее месяца, такая же по объему работа профессора В. Б. Убушаева «Калмыки: выселение и возвращение.

---

¹ Оглаев Юлий Очирович – кандидат исторических наук, доцент Калмыцкого государственного университета.
Постоянный адрес статьи: http://www.tuva.asia/journal/issue_1-2/171-ubushaev.html

1943-1957 гг.» (Элиста, 1991, 92 стр.). Работа В. Б. Убушаева по содержанию своему и хронологии описываемых событий продолжала и завершала тему, начатую нашим московским коллегой, и в совокупности они составляли весьма ценный «тандем», охватывавший, хотя и в общих чертах, все основные вопросы трагической проблемы ликвидации Калмыцкой АССР в декабре 1943 г., депортации калмыцкого народа в Сибирь, его жизни и труда в местах ссылки в 1944-1957 годах и его возвращения на свою малую родину в 1957-59 годах. Но это было лишь начало разработки этой проблемы. И каждый из этих ученых работал в последующем на «своем» направлении этнических депортаций военных лет, каковым для профессора В. Б. Убушаева стало преимущественно «калмыцкое» направление, что в общем, вполне естественно и во всех отношениях рационально. К такой же работе приступили тогда и исследователи других республик Северного Кавказа и в первую очередь, конечно же, – историки. Интерес к этой проблеме оказался тогда столь значителен, что различными аспектами ее занялись не только в республиках «наказанных» народов, но и некоторых других регионах России, в том числе – и в обеих столицах.

Пробуждению широкого общественного интереса к этой жёстко табуированной ранее проблеме способствовала публикаторская и исследовательская деятельность историков нашей страны, в том числе и профессора В. Б. Убушаева, который, ко всему прочему, вел все эти годы и научно-организационную работу в этом направлении: организация региональных, межрегиональных и российских научных конференций в Элисте, участие в аналогичных научных форумах в соседних республиках Северного Кавказа, вовлечение студентов и аспирантов-историков в разработку этой проблематики на уровне курсовых, дипломных и даже диссертационных работ. И нам более удачным примером последнего рода является вовлечение в эту работу своего собственного

сына Кирилла Владимировича Убушаева, кандидатская диссертация которого вполне органично вошла в состав их нынешней, теперь уже совместной, то есть соавторской, работы. Эта капитальная монография вот уже ровно год как стала достоянием науки и встречена с большим интересом и научной, и всей общественностью Калмыкии.

Несмотря на почти полное тождество названия и хронологии книги В. Б. Убушаева 1991 года и соавторской книги 2007 года, последняя весьма существенно отличается от первой, и прежде всего своим физическим объемом: 5,5 печатных листов – первая работа и почти 48,5 печатных листов – вторая. Так что работа 2007 года – это уже не просто 2-е издание первой книги, а по существу новый труд, к тому же совершенно небывалого для Калмыкии объема. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о его познавательной значимости.

Книга отличается не только огромностью и важностью представленного в ней конкретно-исторического материала по проблеме, но и его фактической достоверностью, правдивостью его изложения и основательностью истолкования.

Книга весьма добросовестно сбалансирована по фактам как положительного (а порою – и героического) свойства, так и отрицательного (а порою и постыдного), при этом первые совершенно явно и очевидно доминируют над вторыми. И пропорции эти отнюдь не произвольны, не выдуманы авторами, не «вымучены» ими в угоду «высокоидейным» установкам прошлых и нынешних властей – они просто и естественно вытекают из самих материалов НКВД СССР, которыми пользовался В. Б. Убушаев. Хорошо зная аналогичные материалы депортации калмыков на «местном» уровне – по Архиву Управления НКВД СССР Омской области, могу засвидетельствовать: примерно таково же соотношение «позитива» и «негатива» и здесь. Думаю, что таково же будет это соотношение и в Новосибирске, и в Красноярске, и

на Алтае, и в других краях и областях депортации калмыков. Так что нашим авторам и не надо было ничего вымучивать, они просто добросовестно следовали фактам, содержащимся в документах центральных и местных органов НКВД, особенно в отчетных документах, текущей переписке и иных. И несколько наивно звучащий ныне совет «великого старика» – немецкого историка XIX века Леопольда фон Ранке («писать все, как было») в данном случае оказался как нельзя более кстати. Итак, принцип фон Ранке «*Wie war es eigentlich gewesen*» послужил в немалой степени образцом и для наших коллег...

А было все так, что сибирские спецкоменданты не без удивления сообщают в своих отчетах по начальству, что калмыки, оказывается, добросовестно работают, несмотря на всю свою зимнюю наготу и босоту, наравне со всеми сибиряками несут все тяготы войны, только вот голодают многие, от нищеты и голода едят падшую конину со скотомогильников, многие от этого заболевают и умирают. Но не называют при этом дотошные спецкомендантские служивые ни одного (подчеркиваем это – ни одного!) случая зверского людоедства, которым они же, запуганные поначалу тогдашними жириновскими в центре и на местах, запугивали, в свою очередь, местных жителей. К чести этих простодушных и не очень грамотных людей, отметим, что они относительно быстро разобрались в этой злобной клевете бериевской пропаганды. Хотя и на это элементарное прозрение людей тоже потребовалось определенное время. Поэтому благостная картина «братания» сибиряков с только что прибывшими калмыками, которую рисует нам В.Б. Убушаев со слов председателя колхоза Астахова («не разлей вода» и прочие сантименты) не вполне соответствует действительности, а точнее – значительно «сдвинута» во времени. Тем более нереальны якобы «открытые» возмущения сибиряков: «Да какие же они изменники!» (стр. 266). Даже на первый сдвиг в сознании сибиряков потребовались многие месяцы

соседской жизни и совместной работы, а на второй – уже многие годы и то лишь в кухонных разговорах с друзьями, с невольным понижением голоса и неизменной оглядкой по сторонам. И только после смерти Сталина и расстрела Берия, а особенно после XX съезда об этом и в самом деле стали говорить вслух. И не только на кухне, но и, пардон, в бане, и на базаре, и даже в официальных «присутствиях». Ни в малейшей степени не сомневаясь в правдивости и искренности воспоминаний председателя колхоза Астахова и некоторых других мемуаристов, хотел бы вместе с тем предостеречь наших авторов с обеих сторон от невольной идеализации отношений между калмыками-спецпереселенцами и сибиряками. Эта идеализация, а таковая, к сожалению встречается, носит, как мне кажется, неосознанный, но в основе своей вполне искренний характер: хорошие, добрые и просто нормальные люди с обеих сторон вспоминают в первую очередь и в особенности светлые эпизоды (а они случались даже и в том спецпереселенческом мраке!). И это не какая-то «лакировка» советской действительности, а вполне естественная защитная реакция нормальной человеческой психики от уже пережитых болей и потрясений. И тут даже опытный историк рискует поддаться искушению «пощадить» себя, своих современников и своих потомков, «защитить» их от слишком уж горькой правды! И будет принципиально неправ, так как перед историком, как и перед юристом, задача стоит предельно простая и обнаженная, как Маха: правда, только правда, и ничего, кроме правды. И тут уж никакие «душеспасительные» умолчания абсолютно неуместны. Для этой цели, тоже очень важной, есть у нас и другие «трибуны»...

Этой суровой правде истории авторы книги следуют, как правило, неуклонно, даже когда на пути их исследования встретился некий Сарангов (видимо, большой «оригинал!»), который с циничной издевкой говорил, а точнее «декларировал»: *«Я и дома, в колхозе, никогда не*

работал, а Сибири и тем более!..». Нетрудно представить себе его последующую судьбу...

Весьма характерно, что нашим авторам, изучавшим документы депортации, образно говоря, «в восемь глаз», не удалось обнаружить ни одного, в котором был бы засвидетельствован хотя бы один факт создания в местах ссылки калмыков какой-нибудь этнической банды – этого любимого жупела наших местных чекистов... Побегов во всех сибирских спецпоселениях было немало, случались они, конечно, и среди калмыков, но калмык со своей монгольской внешностью мог «затеряться» только в Казахстане или Киргизии, да и то лишь до тех пор, пока не раскрыл рта. В русских же областях его вылавливали едва ли не на первой же станции. Видимо, этим и объясняется в первую очередь тот факт, что побегов среди калмыков было сравнительно немного – бежать особенно было и некуда (стр. 272-273). Но даже и в этих условиях калмыки не махнули рукой ни на себя, ни на свою судьбу, несмотря на убийственную и совершенно деморализующую формулу «высланы навечно» в указе ПВС СССР от 26 ноября 1948 г. Калмыки писали, и не раз – и в местные (районные) спецкомендатуры, и в региональные (областные и краевые) органы НКВД (МВД) и НКГБ (МГБ), и в различные центральные органы партии и государства. И авторы книги совершенно справедливо поправляют самого А.И. Солженицына, который несколько пренебрежительно отозвался о калмыках в Сибири – они, мол, не стояли, а «умирали молча»...

Нет, дорогой Александр Исаевич в данном случае совершенно неправ. Да, калмыки не уходили, по ряду объективных причин, в абреки, но и молча не умирали, хотя условия их ссылки были значительно более суровыми, о чем мы уже не раз писали – и П. О. Годаев, и А. С. Романов, и М. Б. Нармаев, и К. Н. Максимов и некоторые другие авторы. И вот теперь профессор Убушаев говорит нам о том же, – при-

чем с опорой на ряд новых материалов, событий, фактов, ранее нам неизвестных или мало известных.

Одной лишь сибирской «биографии» калмыков в изложении профессора В.Б. Убушаева более чем достаточно, чтобы опрокинуть навзничь всю сталинскую национальную политику того времени в отношении калмыков, развенчать ее юридически, заклеить политически, раздеть до нага экономически, морально-психологически, медико-биологически и еще бог знает как. И все же профессор Убушаев этому главному, сибирскому, разделу своего труда предпосылает принципиально важный, собственно военный раздел, который позволяет ему вполне сбалансировать все основные направления жизни и деятельности калмыков в условиях Великой Отечественной войны.

Одна из дискуссионных тем прямо сейчас напрашивается на страницы научной и не только научной печати. Мы имеем в виду «кочующую» из издания в издание трактовку причин ликвидации КАССР и депортации калмыков 27 декабря 1943 г. Среди разных причин депортации калмыцкого народа, наши местные авторы, как правило, указывают на сфальсифицированный характер обвинений, предъявленных калмыкам в указе ПВС СССР от 27 декабря 1943 года.

Не изменили этой многолетней традиции и авторы анализируемой нами монографии. Но эта трактовка, поначалу приемлемая в принципе, в той или иной степени, приемлемая и впоследствии (в силу уже зародившейся инерции мышления), ныне уже не кажется столь же бесспорной, как ранее. И определенная ущербность и упрощенность этой трактовки особенно бросается в глаза на фоне в общем высокого уровня самой монографии. Думается, что необходимо вернуться к тексту указа ПВС СССР от 27 декабря 1943 года и рассмотреть, что конкретно каждый пункт его обвинения в адрес калмыков. А материалов для их оценки – ныне уже более чем достаточно...

К сожалению, есть в этом очень ценном труде наших авторов и некоторые явно ошибочные положения и утверждения, которые явились, на мой взгляд, результатом какого-то недоразумения и которые надо просто снять в следующем издании (а таковое, я надеюсь, обязательно будет). Речь идет об интервью профессора В.Б. Убушаева с журналистом А. Львовым («Милиция Калмыкии», 13 октября 2003 года). Интервью само по себе очень интересное и даже важное по сути, но...

В частности, не выдерживает никакой критики тезис В. Б. Убушаева о том, что оккупации Калмыкии как таковой не было, «следовательно, факты пособничества фашистам реальной почвы под собою не имели» (стр. 492). Полно-те, профессор! Снимите очки-велосипед, я сам расскажу о времени и... нет, не о себе, а об оккупации, о которой Вы почему-то забыли. Она, оккупация Калмыкии, началась 5 августа 1942 года, со взятия фашистами самого западного нашего райцентра Башанты, продвигалась весь август на востоке, вместе с наступлением врага стабилизировалась в сентябре, октябре, ноябре 1942 года в районе Хулхуты, а затем, под ударами контрнаступления Красной Армии в ноябре-декабре 1942 года «покатилась» в обратном направлении и завершилась 20 января 1943 года освобождением все той же Башанты. Итого: ровно пять с половиной месяцев длилась оккупация Калмыкии. И в зону этой оккупации, в момент ее наибольшего расширения, входили все западные и северные улусы, а также часть центральных, в том числе и столица республики Элиста, а всего в оккупации было более половины территории КАССР, т.е. за исключением восточных улусов Калмыкии, а именно – приморской и приволжской полосы республики, куда немцы, к счастью, не смогли прорваться. Итак, линия фронта в Калмыкии осенью 1942 года полностью стабилизировалась в районе Утты-Хулхуты (см: «Калмыкия в В.О.В. 1941-1945 гг. Док. и мат.». Элиста, 1966, 1985, 2005), и все эти документы профессор В.Б.

Убушаев знает не хуже рецензента. И тем не менее!.. В чем же дело? Тайна сия велика есть!..

Более того, если бы в прямой оккупации не был бы ни один район Калмыцкой АССР, то и в этом случае «реальная почва» для калмыцкой коллаборации все равно сохранялась бы, хотя, естественно и в меньших масштабах: во-первых, потому что калмыки проживали тогда не только в самой Калмыкии, но и на Дону (Калмыцкий район), на Кубани, на Тереке и даже в Сталинградской области, и тоже подвергались фашистской оккупации вместе с жителями этих регионов, а главное – в руках фашистов оставались еще сотни, а может быть и тысячи калмыков в лагерях военнопленных.

Ну, и последний штрих в этой «картине маслом», как говорил известный киносгерой: мы знаем целый ряд республик, которые ни одного дня и ни одним своим районом не были в оккупации, но которые также приняли свое «посильное участие» в коллаборации. Это Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Башкирия, Татарстан, Азербайджан, Армения и даже родина самого товарища Сталина – Грузия, которую услужливая советская историография того времени всячески оберегала от каких-либо подозрений в неблагонадежности (родина товарища Сталина, как и жена Цезаря, должна была быть вне всяких подозрений!). И этих этнических преимуществ у грузинских наших сограждан было тогда немало. Но сейчас – не то у нас в предмете, отметим только, что ни таких, ни иных этнических преимуществ у калмыков, естественно, не было. И даже таких «преимуществ», как «дезертирство» из Широкага на фронт их старались лишить под угрозой уголовного наказания. Так что связист Тюрбья Лиджигаряев, о котором пишет В. Б. Убушаев, человек в своем роде замечательный и уникальный, а также танкист Бембья Михайлов и военный шофер Андрей Альчинов – самые счастливые из всех дезертиров Широкага, другие же, пойманные при побеге, получали по

«десятке» за свой патриотизм, а один и вовсе погиб (замерз ночью у погасшего костра). И на такое безумное «дезертирство» оказались способны только тихие и законопослушные калмыки. Обнаружатся такие же «тихие» и «законопослушные» у других наших «наказанных» народов – порадуемся вместе...

И еще один крайне выгодный момент для «картины маслом» хотелось бы посоветовать использовать авторам монографии. Это вопрос о калмыках – Героях Советского Союза. Самый, якобы, «антисоветский» из всех «наказанных» народов России и Советского Союза, во имя своей Советской Родины, завоевал в Великой Отечественной 10 золотых звезд – больше чем любой другой из этих народов; и этот факт тоже нуждается в осмыслении.

Таким образом, суммируя хотя бы в общих чертах «позитив» калмыков в годы Великой Отечественной войны и соотнося его с нашим национальным «негативом» в лице так называемого ККК, просто смешно и нелепо спорить до хрипоты с профессором М. М. Загорулько и, увы, безымянной статьей «Калмыцкие формирования вермахта», опубликованной в его вполне «именном» (ответственный редактор!) и вполне замечательном справочном труде («Сталинградская битва». Энциклопедия». Волгоград, 2007. С.180). Имея такой «послужной список» в Великой Отечественной войне, калмыки могут гордо нести свою голову среди других братских народов нашей страны – творцов нашей общей Великой Победы. И анализируемая нами книга – еще одно веское тому доказательство.

Белой вам дороги в науке, отец и сын Убушаевы!..